

МРНТИ 04.61.31; 06.56.25

ИНКЛЮЗИВНЫЕ ИНСТИТУТЫ И МАЛЫЙ И СРЕДНИЙ БИЗНЕС: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ, СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОДЫ

Эржан ИСАБАЕВ

¹Университет Нархоз, Алматы, Республика Казахстан
erzhan.issabayev@narxoz.kz

Ссылка на данную статью: Исабаев Э.Т. Инклюзивные институты и малый и средний бизнес: институциональный, социологический и технологический подходы // *SOCIOLOGY.KZ*. – 2026. – №2(2). – С.134 -148. <https://doi.org/10.36922/2026.2/sskz.24>

Аннотация. Цель работы – проанализировать влияние инклюзивных институтов на развитие малого и среднего бизнеса (МСБ) в Казахстане с учётом теоретических подходов Д. Норта, Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона, а также роли доверия, неформальных норм и современных технологических компаний как новых институциональных посредников. Исследование опирается на сравнительный институциональный анализ, методологию новой институциональной экономики и экономической социологии, теоретический синтез концепций формальных и неформальных институтов, доверия к абстрактным системам (Э. Гидденс), а также на анализ эмпирических данных по развитию МСБ в Казахстане. Используются официальная статистика, государственные программы поддержки предпринимательства и материалы по развитию финтех-экосистемы. В работе предлагается расширенная трактовка инклюзивных институтов, включающая технологические платформы как элементы новой институциональной инфраструктуры. В единой аналитической рамке объединены идеи Норта о формальных и неформальных институтах, концепция инклюзивных и экстрактивных институтов Аджемоглу и Робинсона, а также подход Э. Гидденса к доверию как основанию функционирования сложных современных систем. Отдельное внимание уделяется роли МСБ как неформального института адаптации мигрантов в условиях урбанизации (на примере Алматы). Показано, что институциональная среда Казахстана находится на переходном этапе: формальные нормы модернизируются быстрее, чем меняются укоренённые неформальные практики. Инклюзивность институтов усиливается за счёт дерегулирования, цифровизации и развития финтех-компаний, однако сохраняются существенные барьеры — коррупция, административное давление, ограниченный доступ к финансированию и дефицит доверия к ключевым государственным институтам. Обосновано, что МСБ выполняет не только экономическую, но и социально-интеграционную функцию, облегчая адаптацию мигрантов в мегаполисе. Сформулирован комплекс рекомендаций по укреплению институционального доверия и снижению транзакционных издержек для МСБ.

Ключевые слова: инклюзивные институты, доверие, МСБ Казахстана, институциональная экономика, мигранты, финтех, формальные и неформальные институты.

ИНКЛЮЗИВТІ ИНСТИТУТТАР ЖӘНЕ ШАҒЫН ЖӘНЕ ОРТА БИЗНЕС: ИНСТИТУЦИОНАЛДЫҚ, ӘЛЕУМЕТТАНУЛЫҚ ЖӘНЕ ТЕХНОЛОГИЯЛЫҚ ТӘСІЛДЕР

Эржан ИСАБАЕВ

Нархоз университеті, Алматы қ., Қазақстан Республикасы

INCLUSIVE INSTITUTIONS AND SMALL AND MEDIUM-SIZED ENTERPRISES: INSTITUTIONAL, SOCIOLOGICAL, AND TECH- NOLOGICAL APPROACHES

Erzhan ISSABAYEV

Narxoz University, Almaty, Republic of Kazakhstan

Аңдатпа. Бұл жұмыстың мақсаты – инклюзивті институттардың Қазақстандағы шағын және орта бизнеске (ШОБ) әсерін Д. Норт, Д. Аджемоглу мен Дж. Робинсонның теориялық көзқарастарын, сондай-ақ сенім, бейресми нормалар және заманауи технологиялық компаниялардың жаңа институционалдық делдалдар ретіндегі рөлін ескере отырып талдау. Зерттеу салыстырмалы институционалдық талдауға, жаңа институционалдық экономиканың және экономикалық әлеуметтанудың әдіснамасына, формалды және бейресми институттар тұжырымдамаларының теориялық синтезіне, Э. Гидденстің абстрактілі жүйелерге деген сенім ұғымына, сондай-ақ Қазақстандағы ШОБ дамуы бойынша эмпирикалық деректерді талдауға негізделеді. Ресми статистика, кәсіпкерлікті қолдаудың мемлекеттік бағдарламалары және финтех-экожүйенің дамуына қатысты материалдар пайдаланылады. Жұмыста инклюзивті институттардың кеңейтілген түсіндірмесі ұсынылады: технологиялық платформалар жаңа институционалдық инфрақұрылымның элементтері ретінде қарастырылады. Бір аналитикалық шеңберге Норттың формалды және бейресми институттар туралы идеялары, Аджемоглу мен Робинсонның инклюзивті және экстрактивті институттар тұжырымдамасы, сондай-ақ күрделі заманауи жүйелердің жұмыс

істеуінің негізі ретіндегі сенім туралы Гидденс көзқарасы біріктірілген. Урбанизация жағдайында ШОБ-тың көші-қон үдерісіне бейімделудің бейресми институты ретіндегі рөліне (Алматы мысалында) ерекше назар аударылады. Қазақстанның институционалдық ортасы өтпелі кезеңде тұрғаны көрсетіледі: формалды нормалар жедел жаңарып жатқанымен, терең қалыптасқан бейресми тәжірибелер айтарлықтай инерцияға ие. Институционалдық инклюзивтілік дерегуляция, цифрландыру және финтех-компаниялардың дамуы есебінен күшейіп келеді, алайда сыбайлас жемқорлық, әкімшілік қысым, қаржыландыруға қолжетімділіктің шектеулілігі және мемлекеттік институттарға деген сенім тапшылығы сияқты кедергілер сақталуда. ШОБ тек экономикалық емес, сонымен қатар әлеуметтік-үйлестіруші функция атқаратыны, яғни мегаполистегі мигранттардың бейімделуін жеңілдететіні негізделген. Институционалдық сенімді нығайту және ШОБ үшін транзакциялық шығындарды азайту бойынша ұсыныстар жиынтығы әзірленген.

Түйін сөздер: инклюзивті институттар, сенім, Қазақстандағы ШОБ, институционалдық экономика, мигранттар, финтех, формалды және бейресми институттар.

Abstract. The purpose of this paper is to analyse the impact of inclusive institutions on the development of small and medium sized enterprises (SMEs) in Kazakhstan, taking into account the theoretical approaches of D. North, D. Acemoglu and J. Robinson, as well as the role of trust, informal norms, and modern technology companies as new institutional intermediaries. The study is based on comparative institutional analysis, the methodology of new institutional economics and economic sociology, a theoretical synthesis of concepts of formal and informal institutions, E. Giddens' notion of trust in abstract systems, and an analysis of empirical data on SME development in Kazakhstan. Official statistics, government entrepreneurship support programmes and materials on the development of the fintech ecosystem are used. This paper proposes an expanded interpretation of inclusive institutions, incorporating technological platforms as elements of a new institutional infrastructure. It brings together, within a single analytical framework, North's ideas on formal and informal institutions, Acemoglu and Robinson's concept of inclusive

and extractive institutions, and Giddens' approach to trust as the foundation for the functioning of complex modern systems. Special attention is given to the role of SMEs as an informal institution facilitating migrant adaptation in the context of urbanisation (using Almaty as a case study). The study shows that Kazakhstan's institutional environment is in a transitional stage: formal norms are modernising more rapidly than deeply rooted informal practices. Institutional inclusiveness is strengthened through deregulation, digitalisation, and the development of fintech companies; however, significant barriers persist—corruption, administrative pressure, limited access to finance, and a deficit of trust in key state institutions. It is argued that SMEs perform not only an economic function but also a social and integrative one, easing migrant adaptation in metropolitan settings. A set of recommendations is proposed for strengthening institutional trust and reducing transaction costs for SMEs.

Key words: inclusive institutions, trust, SMEs in Kazakhstan, institutional economics, migrants, fintech, formal and informal institutions.

Введение

Институты являются ключевыми структурными элементами экономического и социального развития. В работах Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона проводится фундаментальное различие между инклюзивными и экстрактивными институтами, позволяющее объяснять долгосрочные различия в развитии государств [4; 5]. Инклюзивные институты предполагают широкое участие населения в политической и экономической жизни, обеспечивают защиту прав собственности и предсказуемые «правила игры». Экстрактивные институты, напротив, концентрируют ресурсы и власть в руках узкой элиты, ограничивая участие большинства и препятствуя использованию потенциала человеческого капитала.

Для стран с переходной экономикой вопрос институциональной инклюзивности приобретает особую значимость. Казахстан, пройдя путь от плановой к рыночной модели, демонстрирует сочетание модернизации формальных норм и устойчивости неформальных практик. Классические идеи Д. Норта о том, что формальные институты могут быть изменены сравнительно быстро, тогда как неформальные нормы обладают высокой инерцией [1; 2; 3], позволяют объяснить противоречивый характер реформ и институциональные «разрывы».

Важное измерение анализа задают подходы экономической социологии, в первую очередь концепция Э. Гидденса о доверии к абстрактным системам [6]. В условиях позднего модерна функционирование сложных систем — права, банков, технических и цифровых платформ — невозможно без доверия к ним как к устойчивым институциональным механизмам.

Дополнительный исследовательский интерес представляет роль технологических компаний и финтех-платформ, которые в казахстанских условиях всё чаще выступают фактическими посредниками между государством, рынком и гражданами, формируя новые каналы доступа к финансированию, рынкам и государственным услугам и тем самым становясь элементами новой институциональной инфраструктуры [21; 22].

Цель данной статьи — на основе институционального, социологического и технологического подходов проанализировать роль инклюзивных институтов в развитии МСБ в Казахстане, а также показать, как малый бизнес выступает неформальным институтом адаптации мигрантов в городской среде.

Научная новизна исследования заключается в расширенной трактовке инклюзивных институтов, включающей цифровые платформы и финтех-компании как элементы новой институциональной инфраструктуры. Впервые в рамках единой аналитической модели объединены институциональная экономика, экономическая социология доверия и анализ МСБ как неформального института адаптации мигрантов в условиях урбанизации (на примере Алматы).

Методология

Исследование опирается на сравнительный институциональный анализ, методологию новой институциональной экономики и экономической социологии, теоретический синтез концепций формальных и неформальных институтов, доверия к абстрактным системам (Э. Гидденс), а также на анализ эмпирических данных по развитию МСБ в Казахстане. Используются официальная статистика, государственные программы поддержки предпринимательства и материалы по развитию финтех-экосистемы.

Основная часть

1. Теоретические положения исследования

1.1. Инклюзивные и экстрактивные институты

В концепции Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона институты разделяются на инклюзивные и экстрактивные [4; 5]. Инклюзивные институты обеспечивают участие широких слоёв населения в экономических и политических процессах, защиту прав собственности, верховенство закона и равный доступ к экономическим возможностям.

Такая институциональная среда стимулирует инновации и предпринимательскую активность, поскольку создаёт «добродетельный круг» развития: вовлечение широких масс в экономику приводит к росту производительности, формированию среднего класса и дальнейшему усилению инклюзивности.

Экстрактивные институты формируют противоположную динамику. Они закрепляют ресурсы и власть в руках узкой группы акторов, препятствуют конкуренции и ограничивают участие большинства. В этих условиях права собственности слабо защищены, законы нередко обслуживают интересы элит, а стимулы к инвестированию и инновациям ослабевают. В долгосрочной перспективе это ведёт к стагнации и деградации институтов, даже при наличии природных или иных ресурсов.

Исторические наблюдения, на которые ссылался ещё Фукидид, подчёркивают устойчивость логики «права сильного». В современном институциональном анализе эта логика раскрывается через понятие экстрактивных порядков, в которых слабость правовых гарантий и доминирование силового ресурса препятствуют формированию инклюзивной экономической среды.

1.2. Норт о формальных и неформальных институтах

Д. Норт, один из основоположников новой институциональной экономики, подчёркивал принципиальное различие между формальными и неформальными институтами [1; 2; 3]. Формальные институты могут быть изменены сравнительно быстро, тогда как неформальные нормы — культурные установки, ожидания и практики — обладают высокой межпоколенческой инерцией.

Главный тезис Норта состоит в том, что формальные реформы оказываются эффективными лишь тогда, когда они согласованы с неформальными нормами общества; в противном случае возникает институциональный разрыв [1; 2].

К формальным институтам относятся законы, регламенты, Конституция, суды — всё то, что может быть изменено в относительно короткие сроки через политические решения и реформы. История знает немало примеров стремительной переработки формальных правил — от Великой французской революции до трансформаций конца XX века в Центральной и Восточной Европе.

Неформальные институты — это нормы поведения, ожидания, культурные шаблоны, привычки, укоренённые в коллективной памяти и культурном коде общества. Они меняются значительно медленнее. Норт говорит о межпоколенческой инерции: даже радикальные политические и экономические изменения не приводят к мгновенной трансформации неформальных норм. В тоталитарных экспериментах, вроде культурной революции в Китае или радикальной перестройки в СССР, изменение повседневных практик растягивалось на годы и десятилетия.

Главный тезис Норта состоит в том, что формальные реформы эффективны только тогда, когда они согласованы с неформальными нормами общества. Если новые законы вступают в противоречие с укоренёнными практиками, возникает «институциональный разрыв»: формальные правила существуют, но не работают так, как планировали реформаторы. В постсоциалистических странах этот феномен проявился особенно ярко: современные, часто заимствованные из западных систем законы сосуществовали с практиками клановости, патронажа, телефонного права и низкого уровня доверия к государству.

Казахстан не стал исключением. Быстрые экономические реформы 1990-х годов во многом были успешными в сравнении с другими постсоветскими странами. Однако старые практики — клановость, закрытость принятия решений, неформальное решение вопросов через связи — не исчезли автоматически после введения новых законов. В результате возник разрыв между декларируемыми принципами (рыночность, конкуренция, равенство возможностей) и практикой повседневного взаимодействия бизнеса и государства.

Сходные процессы проявлялись и в других странах переходного типа. Пример объединённой Германии демонстрирует, что различия между восточными и

западными землями сохраняются не только в экономике, но и в ценностях, политических предпочтениях и отношениях к государству. Это подтверждает мысль Норта: история имеет значение не только как «урок прошлого», но как цепочка институциональных закреплений, формирующих поведение в настоящем.

Для анализа МСБ это означает, что нельзя ограничиваться оценкой качества формальных институтов (законы о предпринимательстве, налоговый кодекс, программы поддержки). Важно учитывать, как они «накладываются» на неформальные структуры — привычные способы взаимодействия с государством, представления о допустимости обхода правил, уровень доверия к судам и регуляторам. Без этого понимания трудно говорить о реальной инклюзивности институтов.

1.3. Доверие как институциональный ресурс

В современной социологии доверие рассматривается как фундаментальный ресурс функционирования сложных социальных систем. Э. Гидденс выделяет межличностное доверие и доверие к абстрактным системам — праву, судам, банкам и экспертным структурам [6]:

1. Межличностное доверие, возникающее в повседневном взаимодействии людей — в семье, на работе, в локальных сообществах.

2. Доверие к абстрактным системам — праву, судам, банкам, экспертным и технологическим структурам. В этом случае люди доверяют не конкретному человеку, а самой системе (например, садясь в самолёт, они доверяют системе подготовки пилотов, стандартам безопасности и институту воздушного транспорта в целом).

Такое доверие делает общество предсказуемым и относительно безопасным. В отсутствие доверия возрастает неопределённость, растут издержки на контроль, возможна девальвация правовых норм.

Для экономики доверие имеет принципиальное значение. В логике Норта, если бы транзакционные издержки стремились к нулю, экономические акторы могли бы принимать решения в условиях максимальной определённости. Высокий уровень доверия приближает систему к этому идеальному состоянию: уменьшается необходимость жёсткого контроля, упрощается заключение контрактов, улучшается инвестиционный климат. Предприниматели охотнее идут на долгосрочные обязательства, а финансовые институты готовы предоставлять ресурсы на более выгодных условиях.

Низкий уровень институционального доверия приводит к росту транзакционных издержек, расширению теневой экономики и правовому нигилизму [7]. Бизнес избегает формальных процедур, стремится «уйти в тень», минимизируя взаимодействие с государством. Казахстан хорошо помнит драматические практики начала 1990-х годов — непрозрачную приватизацию, мошеннические финансовые схемы, необеспеченные кредиты [4]. Современные примеры стран с высоким уровнем институционального недоверия, таких как Венесуэла, показывают, что наличие природных ресурсов не компенсирует разрушение доверия к государству и праву.

В казахстанском контексте проблема доверия особенно остро проявляется в отношении судебной системы и правоохранительных органов, что неоднократно

подчёркивалось в Посланиях Президента Республики Казахстан К.-Ж. Токаева [8]. Доверие в данном случае — не декларация, а результат устойчивой, честной и профессиональной работы правоприменителей.

Без укрепления доверия — как межличностного, так и институционального — невозможно развитие устойчивых инклюзивных институтов. Для МСБ доверие к праву, к регуляторам и к финансовым структурам является ключевым условием выхода из тени и перехода к долгосрочным стратегиям развития [4].

2. Инклюзивность институтов и развитие МСБ в Казахстане

2.1. Участие различных групп населения в предпринимательстве

За последние десятилетия сектор малого и среднего бизнеса в Казахстане демонстрирует устойчивый рост. Количество субъектов МСБ увеличилось почти в четыре раза, численность занятых превысила 4,4 млн человек, а доля МСБ в ВВП приблизилась к 40 % [9; 10]. Объём выпуска продукции субъектами МСБ вырос с 1,5 трлн тенге в 2005 году до 68 трлн тенге в 2023 году, а доля МСБ в ВВП поднялась с 10 % до близких к 40 % [11]. Эти показатели отражают не только успехи экономической политики, но и постепенное расширение доступности предпринимательства для широких слоёв населения.

Существенную динамику демонстрирует молодёжное предпринимательство. По данным фонда «Даму», в 2022–2023 гг. были поддержаны тысячи проектов молодых предпринимателей на десятки миллиардов тенге [11]. По линии фонда «Даму» в 2022 году было поддержано 3 827 проектов молодых предпринимателей на сумму 61,3 млрд тенге. Молодёжь особенно активна в торговле (41,9 %), строительстве (15,9 %) и профессиональной, научной и технической деятельности (5,9 %). Географически лидируют Алматы (16,7 % всех молодых предпринимателей) и Астана (11,4 %); значительная доля молодёжного бизнеса сосредоточена в Туркестанской области [11].

Женщины возглавляют около 45 % активных субъектов МСБ, при этом их доля особенно высока в сферах образования и услуг [9; 10]. По данным Министерства национальной экономики, женщины возглавляют 44,6 % активных субъектов МСБ (638 тыс. предприятий). На этих предприятиях занято более 1 млн человек, то есть около трети всех работников сектора. Наиболее популярной сферой остаётся оптовая и розничная торговля, однако особенно высока доля женщин в образовании — они руководят около 70 % всех МСБ, работающих в этой отрасли [11; 17].

Региональные различия остаются значительными: наиболее высокий вклад МСБ в валовой региональный продукт фиксируется в городах республиканского значения и агломерациях, тогда как в ряде периферийных регионов он остаётся низким [9]. Так, наилучшие показатели вклада МСБ в валовой региональный продукт в 2023 году в городах республиканского значения: Астана (60,3 %), Алматы (58,1 %) и Алматинская область (45,1 %). Наиболее низкие значения фиксируются в областях Ұлытау (5,1 %), Абай (18 %) и Қызылординской области (19,9 %) [17]. Мегаполисы обладают инфраструктурными и институциональными преимуществами, облегчающими вход на рынок, тогда как сельские регионы и моногорода требуют специального институционального сопровождения и целевых программ поддержки [8; 9].

Ключевой институциональной проблемой остаётся несогласованность налоговых режимов, на что указывает бизнес омбудсмен Республики Казахстан [12]. Непринятие на вычет ряда расходов у компаний на общем режиме создаёт дисбаланс и затрудняет хозяйственные связи с субъектами специального режима. В предельном случае это может привести к «вымывания» специального режима и сокращению числа мелких предпринимателей. Данная ситуация иллюстрирует, как несогласованность налоговой политики снижает инклюзивность институциональной среды.

В целом, рост участия молодёжи, женщин и жителей различных регионов в предпринимательстве свидетельствует о расширении социального основания МСБ. Однако устойчивость этого процесса зависит от качества институтов, снижения регуляторных барьеров и обеспечения равных «правил игры» для разных категорий бизнеса.

2.2. Социально-культурная роль МСБ в адаптации мигрантов в городской среде (на примере Алматы)

Помимо экономической функции, МСБ выполняет важную социально-интеграционную роль. Для внутренних и внешних мигрантов малый бизнес становится одним из ключевых каналов включения в городскую жизнь [13; 14]. В условиях слабости формальных механизмов интеграции именно повседневная экономика выступает главным «институтом» адаптации [14; 15].

Исследования подтверждают, что в постсоветских городах малые предпринимательские структуры, рынки и семейные предприятия формируют неформальные сети взаимопомощи, коммуникации и доверия, частично компенсирующие институциональные ловушки и дефицит формальных каналов адаптации. Исследования И. В. Стародубровской показывают, что мигранты в Алматы формируют устойчивые практики самоорганизации и взаимопомощи, компенсируя дефицит формальных механизмов адаптации:

«Люди приезжают сюда за лучшим будущим для себя и детей и прикладывают большие усилия, чтобы это будущее стало реальностью. Часто без особой помощи со стороны окружающих — такой мотив также регулярно звучал в интервью. Они стремятся создать вокруг себя более комфортную жизненную среду — в поселках сами реализуют инфраструктурные проекты, стараются договориться с соседями об общих нормах общежития (что не всегда оказывается легко). Условия жизни в районе улучшаются. А проблемы — да, они есть, и их надо решать. Действиями властей, гражданского общества. Но стигматизация территории в этом точно не помогает» [13].

Особую роль играют рынки и торговые пространства, которые в постсоветском городе выступают не только экономическими, но и социальными институтами интеграции мигрантов [15; 16]. Базар в постсоветском городе — это не только место купли-продажи, но и социальный институт, где ежедневно взаимодействуют представители различных этнических и региональных групп: казахи, русские, уйгуры, дунгане, кыргызстанцы, узбеки и др. Пространственная концентрация мигрантов вокруг рынков Алтын Орда и в Наурызбайском районе формирует специфические городские микросообщества, сочетающие элементы сельской и городской культуры [17; 18].

Диаспоральное предпринимательство создаёт особую форму институциональной ниши, обеспечивая одновременно экономическую интеграцию и сохранение культурной идентичности [19; 20]. В Алматы заметны устойчивые сети уйгурских, дунганских, узбекских предпринимателей — от кафе и ресторанов до фермерских хозяйств. Эти структуры одновременно:

1. встроены в городскую экономику, обслуживая широкий круг клиентов;
2. служат культурными и социальными центрами общин, где сохраняются язык, традиции, религиозные и бытовые практики.

Такие анклавы создают «двойную институциональную нишу» (по сути, гибрид формального и неформального института): они облегчают включение мигрантов в экономику города, не разрушая их культурную идентичность.

Пространственная концентрация мигрантов вокруг крупных рынков — таких как Алтын Орда и прилегающий Наурызбайский район — приводит к формированию своеобразных «микрорайонов мигрантов». Исследования показывают, что жители этих территорий часто воспринимают их как особый мир, отличный от «центра Алматы», но в то же время как мост между сельской и городской жизнью [10; 11]. Здесь МСБ выступает каркасом локальной экономики и социальной организации: формируются горизонтальные связи, практики взаимной поддержки, сохраняются элементы сельской культуры, адаптированные к городской среде.

Таким образом, МСБ в Алматы выполняет важную интеграционную функцию. Он служит неформальным институтом, смягчающим культурный шок, снижает социальную напряжённость и способствует формированию новых городских идентичностей [7; 10]. Это даёт основание рассматривать МСБ не только как объект экономической политики, но и как ключевой элемент урбанизационной и миграционной повестки.

2.3. Проблемы и барьеры на пути формирования инклюзивной институциональной среды

Несмотря на позитивную динамику, развитию МСБ препятствуют коррупция, дефицит институционального доверия и административные барьеры [7; 8]. Ограниченный доступ к финансированию остаётся системной проблемой, особенно для микробизнеса и стартапов [10; 21]. К ключевым проблемам относятся:

- **Коррупция.** Коррупционные практики продолжают входить в число главных барьеров для предпринимательства. Они увеличивают транзакционные издержки, подрывают конкуренцию и снижают доверие к государственным институтам. Для МСБ это означает необходимость дополнительных неформальных расходов при получении разрешений, прохождении проверок и доступе к программам поддержки [4].
- **Ограниченный доступ к финансированию.** Коммерческие банки ориентированы на крупный бизнес и менее рискованные проекты. Малые предприятия сталкиваются с высокими ставками, жёсткими требованиями к залогу и ограниченным предложением долгосрочных кредитов. Особенно уязвимы стартапы, молодежь и предприниматели в сельской местности.
- **Административные барьеры и регуляторная нагрузка.** Хотя Казахстан добился заметного прогресса в международных рейтингах [17], предприниматели продолжают отмечать сложность регуляторных процедур. Избыточные тре-

бования, дублирующие функции контролирующих органов и частые проверки стимулировали использование неформальных механизмов «ускорения» процессов, воспроизводя коррупционные практики.

В совокупности эти факторы формируют институциональную среду, в которой инклюзивность носит частичный и неоднородный характер: формально существует широкий набор инструментов поддержки МСБ, но фактически предприниматели сталкиваются с высокими транзакционными издержками и институциональной неопределенностью.

2.4. Примеры позитивных институциональных изменений и реформ

В последние годы Казахстан реализует комплекс реформ, направленных на улучшение институционального климата для МСБ.

Во-первых, внедряется механизм «регуляторной гильотины» — масштабный пересмотр нормативных требований к бизнесу с целью отмены устаревших, дублирующих и избыточных норм. Это должно сократить административную нагрузку и повысить предсказуемость регулирования.

Во-вторых, введен мораторий на проверки субъектов малого бизнеса, что уменьшило давление контролирующих органов и позволило предпринимателям сосредоточиться на развитии деятельности. Параллельно происходит цифровизация государственных услуг: регистрация бизнеса, получение разрешений и доступ к мерам поддержки переводятся в электронный формат, что сокращает прямые контакты с чиновниками и, соответственно, коррупционные риски.

В-третьих, укрепляются механизмы защиты прав бизнеса. Создан институт бизнес-омбудсмена, расширены возможности обжалования действий госорганов, повышена ответственность за незаконное вмешательство в предпринимательскую деятельность. По ряду показателей, в частности по защите миноритарных инвесторов, Казахстан занимал высокие позиции в международных рейтингах, что свидетельствует о наличии институционального потенциала.

Одновременно реализуются государственные программы поддержки МСБ — прежде всего «Дорожная карта бизнеса – 2025», оператором которой выступает фонд «Даму» [19]. Программа включает субсидирование процентных ставок, гарантирование кредитов, грантовые инструменты и развитие инфраструктуры поддержки. Особое внимание уделяется микробизнесу и предпринимателям в регионах, включая моногорода и сельские территории.

Образовательные и инкубационные проекты, такие как «Бастау Бизнес», способствуют расширению предпринимательской базы за счёт вовлечения безработных и самозанятых граждан, в том числе из сельской местности. В результате институты развития становятся более доступными и, в совокупности, повышают инклюзивность экономических институтов.

2.5. Технологические компании как элементы инклюзивной институциональной среды

Развитие технологических и финтех-компаний в Казахстане усиливает институциональные изменения, придавая им новое — цифровое — измерение, что способствует снижению транзакционных издержек и расширению доступа МСБ к финансовым услугам [21]. Суперприложения и цифровые платформы формируют новые стандарты доверия и взаимодействия между бизнесом и потребителями [22; 23].

Во-первых, цифровые платформы демократизируют доступ к финансовым и платёжным сервисам. Расширение безналичных платежей, мобильных приложений и онлайн-эквайринга позволило включить в формальный оборот значительное число микропредприятий и малых торговых точек. Казахстан в последние годы стал одной из стран с высокой долей безналичных операций, что облегчает выход МСБ на онлайн-рынки, снижает издержки и повышает прозрачность.

Во-вторых, финтех-экосистемы расширяют доступ МСБ к кредитным продуктам. Онлайн-кредитование, скоринговые модели и интеграция платёжных и кредитных сервисов в рамках «суперприложений» (Kaspi.kz, Jusan и др.) сокращают время принятия решений, стандартизируют процедуры и частично снижают требования к залому для определённых категорий клиентов. Для малого бизнеса это означает более быстрый и предсказуемый доступ к оборотному капиталу.

В-третьих, технологические компании участвуют в формировании новых правил игры. Взаимодействуя с регулятором, они способствуют разработке законодательства о платёжных системах, дистанционной идентификации и защите прав потребителей финансовых услуг. Тем самым совместно с государством они «производят» новые институты, часть которых закрепляется не только в нормах права, но и в стандартах обслуживания, интерфейсах приложений и алгоритмах принятия решений.

Наконец, цифровые платформы влияют на структуру доверия. Пользовательские рейтинги, прозрачность транзакций и относительно быстрые механизмы разрешения споров формируют у предпринимателей и потребителей ожидание более надёжного и предсказуемого взаимодействия. Для МСБ это частично компенсирует дефицит доверия к традиционным государственным институтам: доверие переносится на платформу как на посредника, задающего прозрачные правила.

В казахстанских условиях доверие к цифровым платформам (Kaspi, Halyk apps, eGov и др.) заметно выросло. Для миллионов граждан они стали неотъемлемой частью повседневности, что делает их фактическими элементами новой инклюзивной институциональной среды. Вместе с тем, концентрация данных и рыночной власти в руках отдельных платформ ставит новые вопросы о балансе между инновацией и регулированием, которые требуют дальнейшего анализа.

2.6. Государственная политика и стратегические ориентиры

Развитие МСБ закреплено в стратегических документах Республики Казахстан, включая Стратегию «Казахстан–2050» [24] и государственную программу «Дорожная карта бизнеса–2025» [25]. Стратегия «Казахстан – 2050», программа «100 конкретных шагов» и последующие реформы фиксируют курс на диверсификацию экономики и формирование широкого слоя предпринимателей как основы среднего класса.

В Посланиях Президента К.-Ж. Токаева, в частности в концепции «Справедливого Казахстана» [5], подчёркиваются задачи укрепления верховенства права, расширения политического плюрализма, повышения подотчётности институтов государственно-властной системы и развития диалога государства с обществом и бизнесом. Усиление роли Парламента, реформирование судебной системы и правоохранительных органов, меры по борьбе с клановостью и монополизмом

направлены на демонтаж экстрактивных практик и формирование институциональной среды, пользующейся устойчивым доверием.

Для МСБ это означает постепенный переход от персонализированного и непрозрачного взаимодействия с государством к более формализованным, универсальным и проверяемым процедурам. Успех этих реформ в значительной степени зависит от того, насколько они будут согласованы с реальными неформальными нормами и ожиданиями общества.

Заключение

1. Институциональная среда Казахстана носит переходный характер: формальные институты модернизируются, но неформальные нормы и практики обладают высокой инерцией. Это создаёт разрыв между декларируемыми правилами и реальной практикой, особенно в сфере взаимодействия государства и бизнеса.

2. Инклюзивность институтов усиливается, в том числе за счёт дерегулирования, цифровизации и развития технологических компаний. Цифровые платформы становятся важными посредниками, расширяющими доступ МСБ к финансовым и рыночным услугам.

3. Малый и средний бизнес выполняет не только экономическую, но и социально-интеграционную функцию, особенно в крупных городах. На примере Алматы показано, что МСБ выступает неформальным институтом адаптации мигрантов, создавая пространства для включения в городскую экономику, формирования сетей доверия и межкультурного взаимодействия.

4. Основными барьерами развития МСБ остаются коррупция, дефицит доверия, административное давление и ограниченный доступ к кредитным ресурсам. Эти факторы повышают транзакционные издержки, стимулируют теневую экономику и подрывают мотивацию предпринимателей работать в формальном секторе.

5. Государственные реформы и программы поддержки создают предпосылки для формирования более инклюзивных институтов, однако требуют долгосрочной последовательности и согласованности с неформальными нормами. Без укрепления доверия к судам, правоохранительным органам и регуляторам институциональные изменения остаются хрупкими.

6. Развитие финтех-экосистемы и цифровых платформ способствует снижению транзакционных издержек и росту доверия на уровне конкретных сервисов. Вместе с тем возникает задача поиска баланса между свободой инноваций и необходимостью регулирования, предотвращающего концентрацию власти в руках отдельных платформ.

7. Алматы выступает лабораторией урбанизационных и институциональных процессов: мегаполис демонстрирует, как МСБ может становиться площадкой перехода от сельской к городской культуре, а также как локальные рынки и диаспоральные бизнесы выполняют роль институтов интеграции мигрантов.

8. Для устойчивого развития МСБ и укрепления инклюзивных институтов необходим комплекс мер, включающий:

- усиление защиты прав предпринимателей;
- расширение региональной поддержки;

- институциональный мониторинг реформ;
- развитие цифровой инфраструктуры;
- системную работу по восстановлению доверия к правовым и государственным институтам.

В совокупности это позволяет рассматривать МСБ как один из ключевых элементов стратегии «Справедливого Казахстана», где экономическая, социальная и институциональная повестки взаимосвязаны и взаимно усиливают друг друга.

Список литературы

1. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. — М.: Начала, 1997. — 180 с.
2. Норт Д. Функционирование экономики во времени // Отечественные записки. — 2004. — № 6. — С. 15–28.
3. North D. C. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. — Cambridge: Cambridge University Press, 1990. — 152 p.
4. Аджемоглу Д., Робинсон Дж. Почему одни страны богатые, а другие бедные. — М.: АСТ, 2024. — 563 с.
5. Acemoglu D., Robinson J. Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty. — New York: Crown Publishers, 2012. — 529 p.
6. Гидденс Э. Последствия современности. — М.: Праксис, 2011. — 352 с.
7. Махсутов Р. Что такое правовой нигилизм и как с ним бороться? [Электронный ресурс] // Postfactum.kz[web-сайт]. — 2022. — URL: <https://postfactum.kz/ru/pravo/387-chto-takoe-pravovoj-nigilizm-ikak-s-nim-borotsya> (дата обращения: 12.12.2025).
8. Послание Президента Республики Казахстан К.-Ж. Токаева народу Казахстана «Справедливое государство. Единая нация. Благополучное общество» [Электронный ресурс]. — 01.09.2022. — URL: <https://www.akorda.kz> (дата обращения: 12.12.2025).
9. Бюро национальной статистики Республики Казахстан. Малое и среднее предпринимательство в Республике Казахстан (2005– 2023 гг.) [Электронный ресурс] // stat.gov.kz [web-сайт]. — URL: <https://stat.gov.kz> (дата обращения: 12.12.2025).
10. Министерство национальной экономики Республики Казахстан. Развитие малого и среднего бизнеса в Республике Казахстан: аналитический обзор. — Астана, 2023.
11. АО «Фонд развития предпринимательства «Даму». Итоги реализации программ поддержки предпринимательства за 2022– 2023 гг. [Электронный ресурс] // damu.kz [web-сайт]. — URL: <https://damu.kz> (дата обращения: 12.12.2025).
12. Запрет вычетов по сделкам с упрощённой: бизнес-омбудсмен просит отсрочку на 18 месяцев [Электронный ресурс] // Uchet.kz [web-сайт]. — 19.11.2025. — URL: <https://uchet.kz/news/zapret-vychetov-po-sdelkam-s-uproshchayenkoibiznesombudsmen-prosit-otsrochku-na-18-mesyatsev/> (дата обращения: 12.12.2025).
13. Стародубовская И. В. Как мигранты осваиваются в Алматы [Электронный ресурс] // Kursiv Media Kazakhstan [web-сайт]. — URL: <https://kz.kursiv.media/opinions/issledovanie-kak-migranty-osvaivayutsya-v-almaty/> (дата обращения: 12.12.2025).
14. Абашин С. Н. Среднеазиатская миграция: практики, локальности, идентичности // Антропологический форум. — 2012. — № 16. — С. 145–174.
15. Дятлов В. И. Постсоветские рынки под открытым небом // Сибирские исторические исследования. — 2017. — № 1. — С. 99–118. — DOI: 10.17223/2312461X/15/7.
16. Рудницкая Е. В. Базар как институт интеграции мигрантов в постсоветском городе // Социологические исследования. — 2014. — № 9. — С. 112–120.
17. Досымбеков А. Б., Ибраева Г. Ж. Социальные трансформации на окраинах Ал-

маты: кейс Наурызбайского района // Социальные исследования и развитие. — 2021. — № 2. — С. 39–55.

18. Mukhamedov A. Everyday life around Altyn Orda Market: Informal economy and migrant integration in Almaty // Central Asian Survey. — 2021. — Vol. 40, No. 3. — P. 412–430. — DOI: 10.1080/14631369.2021.1934426. Этническое и диаспоральное предпринимательство

19. Light I., Gold S. Ethnic Economies. — San Diego: Academic Press, 2000. — 244 p.

20. Portes A., Zhou M. Segmented assimilation and its variants // Annals of the American Academy of Political and Social Science. — 1993. — Vol. 530. — P. 74–96. — DOI: 10.1177/0002716293530001006.

21. National Bank of Kazakhstan. Payment Systems and Fintech Development Report. — Astana, 2023.

22. Kenney M., Zysman J. The Platform Economy // Issues in Science and Technology. — 2016. — Vol. 32, No. 3. — P. 61–69.

23. Kaspi.kz. Annual Report 2023. — Almaty, 2024. Стратегические документы

24. Стратегия «Казахстан–2050»: новый политический курс состоявшегося государства [Электронный ресурс] // Әділет [web-сайт]. — URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1200002050> (дата обращения: 12.12.2025).

25. Об утверждении Государственной программы поддержки и развития бизнеса «Дорожная карта бизнеса–2025»: Постановление Правительства Республики Казахстан от 24 декабря 2019 г. № 968 [Электронный ресурс] // Әділет [webсайт]. — URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1900000968> (дата обращения: 12.12.2025).

Transliteration

1. North, D. C. (1990). Institutions, institutional change and economic performance. Cambridge University Press.

2. North, D. (1997). Instituty, institutsional'nye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki. Nachala, Moscow. (In Russian).

3. North, D. (2004). Funktsionirovanie ekonomiki vo vremeni. Otechestvennye zapiski, (6), 15–28. (In Russian).

4. Acemoglu, D., & Robinson, J. (2012). Why nations fail: The origins of power, prosperity, and poverty. Crown Publishers.

5. Acemoglu, D., & Robinson, J. (2024). Pochemu odni strany bogatye, a drugie bednye. AST, Moscow. (In Russian).

6. Giddens, A. (2011). Posledstviya sovremennosti. Praksis, Moscow. (In Russian).

7. Makhutov, R. (2022). Chto takoe pravovoi nigilizm i kak s nim borot'sya? Retrieved December 12, 2025, from <https://postfactum.kz/ru/pravo/387-chto-takoe-pravovoj-nigilizm-i-kak-snim-borotsya> (In Russian).

8. Tokayev, K.-Zh. (2022). Poslanie Prezidenta Respubliki Kazakhstan narodu Kazakhstana “Spravedlivoe gosudarstvo. Edinaya natsiya. Blagopoluchnoe obshchestvo”. Retrieved December 12, 2025, from <https://www.akorda.kz> (In Russian).

9. Bureau of National Statistics of the Republic of Kazakhstan. (2025). Small and medium-sized enterprises in the Republic of Kazakhstan (2005–2023). Retrieved December 12, 2025, from <https://stat.gov.kz>

10. Ministry of National Economy of the Republic of Kazakhstan. (2023). Development of small and medium-sized enterprises in Kazakhstan: Analytical review. Astana. (In Russian).

11. Damu Entrepreneurship Development Fund. (2025). Results of entrepreneurship support programmes, 2022–2023. Retrieved December 12, 2025, from <https://damu.kz> (In Russian).

12. Zapret vychetov po sdelkam s uproschchyonnym rezhimom: biznesombudsmen prosit otsrochku na 18 mesyatsev. (2025, November 19). Uchet.kz. Retrieved December 12, 2025, from <https://uchet.kz/news/zapret-vychetov-po-sdelkam-s-uproschchyenkoybiznesombudsmen-prosit-otsrochku-na-18-mesyatsev/> (In Russian).
13. Starodubrovskaya, I. V. (2025). Kak migranty osvaivayutsya v Almaty. Retrieved December 12, 2025, from <https://kz.kursiv.media/opinions/issledovanie-kak-migranty-osvaivayutsyav-almaty/> (In Russian).
14. Abashin, S. N. (2012). Sredneaziatskaya migratsiya: praktiki, lokal'nosti, identichnosti. *Antropologicheskii forum*, (16), 145–174. (In Russian).
15. Dyatlov, V. I. (2017). Postsoverskie rynki pod otkrytym nebom. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*, (1), 99–118. <https://doi.org/10.17223/2312461X/15/7> (In Russian).
16. Rudnitskaya, E. V. (2014). Bazar kak institut integratsii migrantov v postsoverskom gorode. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (9), 112–120. (In Russian).
17. Dosymbekov, A. B., & Ibraeva, G. Zh. (2021). Sotsial'nye transformatsii na okrainakh Almaty: keis Nauryzbaiskogo raiona. *Sotsial'nye issledovaniya i razvitie*, (2), 39–55. (In Russian).
18. Mukhamedov, A. (2021). Everyday life around Altyn Orda Market: Informal economy and migrant integration in Almaty. *Central Asian Survey*, 40(3), 412–430. <https://doi.org/10.1080/14631369.2021.1934426>
19. Light, I., & Gold, S. (2000). *Ethnic economies*. Academic Press.
20. Portes, A., & Zhou, M. (1993). Segmented assimilation and its variants. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 530, 74–96. <https://doi.org/10.1177/0002716293530001006>
21. National Bank of Kazakhstan. (2023). *Payment systems and fintech development report*. Astana.
22. Kenney, M., & Zysman, J. (2016). The platform economy. *Issues in Science and Technology*, 32(3), 61–69.
23. Kapi.kz. (2024). *Annual report 2023*. Almaty.
24. President of the Republic of Kazakhstan. (2012). *Strategiya “Kazakhstan– 2050”*: novyi politicheskii kurs sostoyavshegosya gosudarstva. Retrieved December 12, 2025, from <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1200002050> (In Russian).
25. Government of the Republic of Kazakhstan. (2019). *Postanovlenie ob utverzhdenii Gosudarstvennoi programmy podderzhki i razvitiya biznesa “Dorozhnaya karta biznesa–2025”* (No. 968, December 24). Retrieved December 12, 2025, from <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1900000968> (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Эржан Талгатович Исабаев	профессор, кандидат философских наук, Университет Нархоз, Алматы, Казахстан, email: erzhan.issabayev@narхоз.kz
Эржан Талгатович Исабаев	профессор, философия ғылымдарының кандидаты, Нархоз университеті, Алматы, Қазақстан, email: erzhan.issabayev@narхоз.kz
Erzhan Issabayev	Professor, Candidate of Philosophical Sciences, Narхоз University, Almaty, Kazakhstan, email: erzhan.issabayev@narхоз.kz